

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_186

ПРИНЦИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ГРАММАТИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ «DE ANALOGIA»

Николай Викторович Корнилов¹

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых¹
Владимир, Россия*

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью,
ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются идеи о языке Гая Юлия Цезаря, который в мировой истории известен в первую очередь как политик и великий полководец. Однако стоит отметить, что ему принадлежит ряд художественных произведений, а также публицистические и научные работы, среди которых можно выделить трактат «De Analogia». К сожалению, его текст не сохранился. Исследователям приходится иметь дело лишь с некоторыми фрагментами. В трактате Цезарь, выступая последователем аналогистов, призывает вернуться к истокам «золотой латыни» предков. Кроме того, он сформулировал положения, позволяющие получить определённое представление о языковой политике, которую Цезарь планировал провести в Риме. Многие идеи, высказанные им, продолжают оставаться актуальными и для современного языкознания. Новизна публикации состоит в самом предмете анализа, который в выбранном автором аспекте ранее специально не исследовался.

Ключевые слова: Цезарь, трактат, аналогия, аномалия, языковая политика, чистая латынь, орфография.

Для цитирования: Корнилов Н.В. Принципы языковой политики в грамматическом трактате Гая Юлия Цезаря «De Analogia» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 3. С. 186–191. DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_186

Введение

В античном языкознании активно обсуждался вопрос, связанный с языковым развитием, с принципами построения грамматики. В результате возник спор между учёными двух древнегреческих филологических школ – александрийской (Аристофан Византийский, Аристарх Самофракийский) и стоико-пергамской (Кратет Милосский). О его содержании нам известно из трактата Марка Теренция Варрона (116 г. до н. э. – 27 г. до н. э.) «De Lingua Latina» («О латинском языке»)¹ и из работы Секста Эмпирика (вторая половина II в. н. э.) «Против грамматиков».

Представители александрийской филологической школы выступали за соблюдение принципа аналогии. По их мнению, в языке господствуют закономерности, которые необходимо соблюдать, чтобы не допустить его порчи. В области морфологии эти учёные опирались на такие принципы, как симметрич-

ность и пропорциональность. Они создавали формальные грамматические правила склонения и спряжения, нарушение которых, как полагали александрийцы, недопустимо.

Философ-стоик Кратет Милосский (II в. до н. э.), глава пергамской грамматической школы, напротив, отстаивал принцип аномалии. Он полагал, что язык невозможно представить как систему формальных правил, как это пытались сделать аналогисты, поскольку в нём преобладают неправильности (аномалии), представляющие собой «противоречия между грамматикой и логикой, несовпадения между формой и содержанием, разного рода исключения и колебания» [14, с. 234]. Аномалисты считали, что деятельность александрийцев по «исправлению» языка бессмысленна.

И. А. Перельмутер (1929 – 2015), давая общую оценку спора аналогистов и аномалистов, писал:

ала» [4, с. 182]. Н. В. Драчёва считает, что в труде «О латинском языке» применён принцип *disputare in utramque partem* («рассуждения в обе стороны»), создание которого приписывают Протагору (ок. 480 г. до н. э. – ок. 410 г. до н. э.). Варрон строит его в виде схемы «тезис – антитезис – синтез» [4, с. 187].

© Корнилов Н.В., 2025

¹ Д. Фелинг подвергает сомнению существование спора об аналогии и аномалии в античном языкознании (см. [4, с. 182 – 184]). По его мнению, использование этих понятий в трактате Варрона – это «повествовательный приём, выбранный автором в качестве способа презентации матери-

«В целом позиция александрийцев была гораздо более плодотворной для развития науки о языке, именно благодаря их усилиям были установлены правила склонения и спряжения, разработаны формальные аспекты морфологии греческого языка. Определённое положительное значение имела критика деятельности аналогистов со стороны представителей пергамской школы и их последователей. Указывая на несовершенства установленных правил, на наличие многочисленных исключений из них, аномалисты побуждали своих противников совершенствовать правила грамматики, формулировать эти правила так, чтобы учитывались и те явления, которые при первоначальной формулировке выступали как исключения» [7, с. 213 – 214].

Спор об аналогии и аномалии, возникший ещё в древнегреческой филологической традиции, нашёл своеобразное продолжение в языкознании Древнего Рима. Известно, что известный политик и оратор Марк Туллий Цицерон (106 г. до н. э. – 43 г. до н. э.) был приверженцем принципа аномалии, а его оппонент – Гай Юлий Цезарь (102 / 100 г. до н. э. – 44 г. до н. э.), напротив, отстаивал точку зрения аналогистов.

В грамматическом трактате «De Analogia» (в двух книгах), посвящённом Цицерону и написанном в результате критического осмысления его работы «Об ораторе»², Цезарь выдвинул ряд принципов, на которых, по его мнению, должна строиться языковая политика возврата к «золотой латыни». Среди современных учёных нет единого мнения относительно времени написания этого трактата. Некоторые исследователи полагают, что Цезарь написал «De Analogia» «в промежутке между 55 и 52 гг. до н. э.» [5, с. 172 – 173]. Наиболее авторитетной является точка зрения, согласно которой трактат был написан в 54 г. до н. э. [3, с. 35; 10, с. 316; 14, с. 243]. По свидетельству древнеримского писателя и историка Гая Светония Транквилла (ок. 70 г. н. э. – ок. 140 г. н. э.), это произошло «во время перехода через Альпы», когда Цезарь возвращался «с войском из Ближней Галлии после судебных собраний» [11, с. 24]. Ритор и грамматик Фронтон (ок. 100 г. н. э. – ок. 170 г. н. э.) утверждал, что автор «De Analogia» создавал свой труд «под градом дротиков» (*inter tela volantia*) [14, с. 243].

К сожалению, текст трактата «De Analogia» полностью не сохранился. Мы имеем дело только с некоторыми фрагментами (в труде А. Гарсеа их собрано 35), значительная часть которых малоинформативна, что «позволяет лишь с изрядной степенью условности судить о содержании трактата» [10, с. 318].

В настоящей статье предпринята попытка на основании имеющихся источников реконструировать аргументы Цезаря, доказывающие значимость принципа аналогии. Именно на его основании автор трактата «De Analogia» сформулировал положения языковой политики, которые, по его мнению, позволят вернуться к «золотой латыни» предков.

Результаты

Для многих имя Гая Юлия Цезаря ассоциируется с такими понятиями, как великий римский политик и полководец, юлианский календарь, автор крылатого выражения *Veni, vidi, vici* («Пришёл, увидел, победил»). Гораздо в меньшей степени знают о его литературном и научном творчестве. Историки сообщают, что Цезарь не расставался со стилем и писцовыми табличками даже на войне. Ещё в юности он сочинил поэму «Похвала Геркулесу» и трагедию «Эдип», о которых упоминает Светоний [11, с. 24]. Будущий политик читал произведения Гомера, Софокла, Еврипида, Менандра, Ливия Андроника, Энния, Теренция, а также сочинения греческих ораторов. По мнению В. С. Дурова, эти произведения «сыграли значительную роль в формировании, с одной стороны, культуры его (Цезаря – Н. К.) устной речи, писательского стиля – с другой» [5, с. 177].

Цезарь является автором нескольких речей, которыми восхищались современники, считавшие Цезаря аттикистом³. С одной из них он впервые выступил против сулланца Гнея Корнелия Долабеллы. По мнению В. С. Дурова, эта речь, «поставившая 23-летнего Цезаря в один ряд с лучшими ораторами Рима», «ходила в списках и сохранилась по крайней мере до II в. н. э., поскольку была известна Тациту и Авлу Геллию» [5, с. 171].

Известный римский ритор, автор труда «Риторические наставления» (в 12 книгах) Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 г. н. э. – после 96 г. н. э.) так отзывался об ораторском таланте Цезаря: «... Если бы занимался он одним судебным красноречием, то никто бы из наших ораторов не мог с большим успехом спорить о первенстве с Цицероном. В нём такая сила, такая острота, такая пылкость, что, кажется, говорил он с таким же мужеством, как и сражался. Все высокие свои качества украшал удивительной чистотой слога, о чём всегда прилагал крайнее речение» [6, с. 244].

Цезарь – автор многочисленных писем, но только некоторые из них сохранились. Историки сообщают, что в них он зачастую использовал тайнопись, поэтому «чтобы разобрать и прочитать их, нужно читать всякий раз четвёртую букву вместо первой, например, D вместо A и так далее» [11, с. 24]. По свидетельству Авла Геллия (ок. 130 г. н. э. – ок. 180 г. н. э.), грамматик I в. н. э. Проб написал трактат о скрытом значении букв в тайной переписке Цезаря [2, с. 278].

Цезарю принадлежат такие исторические сочинения, как «Записки о галльской войне» (в семи книгах) и «Записки о гражданской войне» (в трёх книгах), в которых он излагает ход военных действий в Галлии с 59 по 52 гг. до н. э. и события гражданской войны (49 – 48 гг. до н. э.). Другие произведения Цезаря, к сожалению, целиком не сохранились. К их числу относят небольшую поэму «Путь», написанную Цезарем в конце жизни. В ней он описывает своё путешествие в Испанию для борьбы с оставшимися в живых помпеянами. Кроме того, Цезарь

² Трактат Цицерона «Об ораторе» был написан в 55 г. до н. э. Г. Хендриксон полагает, что его доставили Цезарю в Галлию [10, с. 316].

³ Аттикисты – ораторы, стремившиеся к сжатому и безыскусственному красноречию и считавшие образцовым язык и стиль греческих прозаиков V – IV вв. до н. э.

написал трактат «Анти-Катон» (в двух книгах) и составил «Сборник изречений» (подробно см. [5, с. 175 – 178]).

Биографы Цезаря отмечают, что на формирование его ораторских способностей непосредственное влияние оказал греческий ритор и грамматик Аполлоний Молон (конец II в. до н. э. – I в. до н. э.), который, по словам Плутарха, «славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами» [9, с. 451]. С ним Цезарь занимался красноречием на острове Родос. Известно, что Марк Антоний Гнифон (ок. 115 г. до н. э. – ок. 65 г. до н. э.) преподавал в доме Цезаря, когда тот был ещё мальчиком, и впоследствии сумел передать будущему великому политику и полководцу идеи греческих аналогистов⁴, с которыми сам познакомился, учась в Александрии [10, с. 318]. Позднее Гнифон стал возглавлять аналогистов в Риме. Светоний утверждает, что его школу посещал и Цицерон, который на тот момент был уже претором [11, с. 224]. По мнению В. С. Дурова, именно от Гнифона «Цезарь усвоил вкус к правильному и чистому языку, свободному от неологизмов и редких малоупотребительных слов» [10, с. 144].

Плутарх, характеризуя ораторские способности Цезаря, отмечал, что он «от природы был в высшей степени одарён способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял своё дарование, так что, бесспорно, ему принадлежало второе место в этом искусстве; однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошёл в ораторском искусстве до того предела, который был ему указан природой» [9, с. 451].

Историки языкознания, рассматривая идеи Цезаря о языке, вынуждены опираться на несколько малоинформативных фрагментов, которые встречаются у других античных авторов. Вот почему о содержании трактата можно судить лишь с изрядной долей условности. Принято полагать, что лингвистический «пуризм» Цезаря основывался на таком качестве речи, как «elegantia» («стройность», «безукоризненность», «изящество»). Подобный взгляд представлял собой попытку сохранить первозданную чистоту латинского языка (Latinitas – «чистая латынь»), который считали культурной ценностью, связывающей римлян с далёкими предками.

«Elegantia», по мнению Цезаря, включает в себя чистоту и ясность («explanatio»). В данном случае автор трактата, по мнению Р. В. Светлова и Д. А. Федорова, следует определённой сложившейся традиции (см. [10, с. 319]). Чистота, как полагал Цезарь, связана с неиспользованием в речи солецизмов и варваризмов, тогда как ясность «предполагает употребление общепринятых в обычном бытовом обиходе и

семантически корректных терминов (а также, вероятно – сведение к минимуму практики злоупотребления выразительными средствами)» [10, с. 319].

Трактат Цицерона «Брут» содержит несколько фрагментов, проясняющих в определённой степени «лингвистическую доктрину» Цезаря, который в своих рассуждениях опирается на идею «чистой латыни» (Latinitas), а также на принцип «выбора слов» (delectus verborum): «Почвой и основанием ораторского искусства ... служит безупречная и чистая латинская речь» [13, с. 309]; «Выбор слов есть основа красноречия» [13, с. 308]. Примечательно, что, говоря о выборе слов, Цезарь имел в виду «освобождение латинского языка от привнесённых за предшествующие десятилетия чужеродных влияний, многочисленных варваризмов и неологизмов, лишь напрасно засоряющих язык» [10, с. 323]. Авл Геллий в работе «Аттические ночи» приводит следующее высказывание из трактата Цезаря «De Analogia»: «Словно подводной скалы избегай неслыханного и неупотребительного слова» [1, с. 59].

В трактате Цезаря представлена идеализированная картина «золотого века» латинского языка эпохи «средней» Римской республики конца II в. до н. э. (время Публия Сципиона и Гая Лелия), когда «язык был так же чист, как и нравы» [13, с. 310]. Именно тогда, как считал автор трактата «De Analogia», римляне «говорили правильно», соблюдая формальные грамматические «правила». Происходило это, по мнению Цезаря, «не столько благодаря систематическому и целенаправленному обучению (и Цезарь, и Цицерон прекрасно понимали, что римская грамматика в этот период находилась в состоянии становления), сколько из-за общей заботы о существующих обычаях, благодаря которым естественным путём осуществлялась межпоколенная трансляция представлений об общепринятой языковой норме» [10, с. 321 – 322].

Дальнейшие события римской истории, связанные с социодемографическими процессами, привели сначала к разным «искажениям» (infusco), а затем к порче⁵ и упадку латинского языка. Цезарь считал, что город Рим был населён необразованными переселенцами (провинциалами и италиками из муниципий), которые, «говоря неправильно», оказали негативное влияние на язык римлян, значительно его искажив. Р. В. Светлов и Д. А. Федоров полагают, что подобные рассуждения перекликаются с «популярным в поздней республике тезисом об «упадке нравов», подробно представленным, в частности, в сочинениях Саллюстия» [10, с. 322].

Цезарь был убеждён, что латинский язык нужно «очистить» от элементов, которые попали из речи необразованных людей и из «варварских наречий». В трактате Цицерона «Брут» находим следующие рассуждения: «... С течением времени речь становилась хуже как в Риме, так и в Греции. Ибо как в Афины, так и в наш город стекались из разных мест люди, говорящие неправильно. Оттого и почувствовалась

⁴ Гнифон в трактате «О латинской речи» рассуждал о нормализации латинского языка с позиций аналогистов.

⁵ Следует отметить, что сама идея «порчи языка», встречающаяся у Цезаря, не является оригинальной. Её

можно встретить в диалоге Платона «Протагор» (см. [8 325d5-7]).

необходимость очистить язык и пережечь его на огне неизменных правил, а не следовать искаженным обычаям общего употребления» [13, с. 310].

Исследователи полагают, что в трактате «De Analogia» Цезарь призывал придерживаться «лингвистического консерватизма» в лексикологии, морфологии и орфографии. По мнению И. М. Тронского (1897 – 1970), ему были «одинаково чужды» архаизмы и неологизмы, а из синонимов римский полководец часто выбирал один и пользовался только им. Например, Цезарь практически не употребляет слова «*fluvius*» и «*amnis*», тогда как слово «*flumen*» «встречается у него больше 200 раз»; «он пишет *timere* и *diligere*, но не *metuere* и *amare*; *interest*, но не *refert*; *nudare* и *privare*, но не *orbare* (выделено мной. – Н. К.)» [12, с. 221]. «При таких принципах лексического отбора, – отмечает И. М. Тронский, – неудивительно, что у него (Цезаря. – Н. К.) почти не встречается греческих слов, кроме давно уже укоренившихся в латинском языке, или технических терминов военного и морского дела» [12, с. 221].

В морфологии Цезарь также придерживался принципа аналогии, связанного с семантикой слова. Например, он считал, что слова «*harena*» (песок), «*caelum*» (небо), «*triticum*» (пшеница) неправильно употреблять во множественном числе. Напротив, слово «*quadrigae*» (квадриги), как и слова «*arma*» (оружие), «*moenia*» (городские укрепления), нужно использовать во множественном числе, хотя речь идёт про одну колесницу. Дело в том, что она «является единой упряжкой из четырёх лошадей, поставленных вместе» [2, с. 355].

«Лингвистическим консерватором» Цезарь был и в орфографии. По мнению А. Гарсеа, в текстах, написанных им, можно встретить архаические орфографические формы: «*isdem*» как форма множественного числа от «*idem*»; «*lac*» вместо «*lacte*»; употребление в генетиве «*PomPELLi*» вместо «*PomPEiII*» (подробно см. [10, с. 323 – 324]). В именительном падеже множественного числа и в косвенных падежах слова *turbo* («вихрь») Цезарь предлагал заменить *-i* на *-o* и писать *turbonis*, *turboni* вместо *turbinis*, *turbini* [14, с. 243]. Однако есть исследователи, полагающие, что Цезарь не всегда следовал этому орфографическому стандарту [14, с. 243].

Свои теоретические принципы Цезарь сумел воплотить в упоминаемых «Записках о галльской войне» и «Записках о гражданской войне». Ещё Цицерон отмечал, что «в них есть нагая простота и прелесть, ибо они, как одежды, лишены всяких ораторских прикрас», поскольку «его целью было снабдить

тех, кто захочет написать историю, готовым материалом для обработки; но разве что глупцы обрадуются случаю приложить к написанному им свои щипцы для завивки, люди же здравомыслящие никогда не возьмутся за перо после него, так как незатейливая и ясная краткость – самое лучшее украшение истории» [13, с. 311]. По словам В. С. Дурова, «принципы, провозглашённые Цезарем-грамматиком, были им применены в «Записках», в которых он воздерживался от слов «новых и непривычных», устраняя «из своей речи неологизмы, архаизмы, иноязычные слова (разумеется, когда в них нет особой необходимости) и одновременно всю ту лексику, которая может придать его стилю новизну и экстравагантность», он «тщательно отбирает слова, пользуясь при этом ... минимумом лексики и воздерживаясь от чрезмерной синонимии» [5, с. 144].

Выводы

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Гай Юлий Цезарь был не только великим полководцем и политиком, но и писателем и учёным. Ему принадлежит трактат «De Analogia». В нём Цезарь выступает сторонником аналогистов.

2. Трактат «De Analogia» стоит рассматривать не только как пропаганду идей аналогистов или проявление уважения к «золотому веку» латинского языка, но и как попытку аргументировать необходимость «скорейшего приобщения покорённых народов к римской культуре и популяризации латинского языка среди лояльной Риму высшей прослойки галльского племенного сообщества» [10, с. 325]. Отстаивая лингвистическую «норму» (латынь города Рима), Цезарь тем самым стремился «воспрепятствовать распространению презираемой римской аристократией вульгаризированной «деревенской» (*rustica*) латыни как в недавно завоёванных провинциях, так и в самой Италии» [10, с. 325 – 326].

3. Стремясь очистить латинский язык от варваризмов, неологизмов и многочисленных синонимов, автор трактата «De Analogia» считал, что необходимо проводить языковую политику, устанавливая своего рода единые нормы в лексикологии, морфологии и орфографии.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I–X. Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007. 480 с.
2. Авл Геллий. Аттические ночи. Книги XI–XX. Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. 448 с.
3. Бокадорова Н.Ю. Античная языковедческая традиция // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 35.
4. Драчёва Н. В. Спор об аналогии и аномалии в трактате Марка Теренция Варрона «De Lingua Latina» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 8 (130). 2014. С. 181–189.
5. Дуров В.С. Юлий Цезарь: Человек и писатель. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1991. 208 с.

6. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. Часть II. СПб., 1834. 302 с.
7. Перельмутер И.А. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 180–214.
8. Платон. Диалоги: Протагор, Большой Иппий, Иппий Меньший, Евтидем, Евтифрон, Апология Сократа, Критрон. 2-е изд. М.: Академический проект, 2020. 351 с.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х томах. Том II. М. : Издательство АН СССР, 1963. 546 с.
10. Светлов Р.В., Фёдоров Д.А. Грамматический трактат «De Analogia» и лингвистический консерватизм Юлия Цезаря в контексте античной «языковой политики» // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. Том 13, №1. 2019. С. 315–329.
11. Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М. : Наука, 1964. 375 с.
12. Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. М.-Л. : Издательство АН СССР, 1953. 271 с.
13. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972. 471 с.
14. Шубик С.А. Языкознание древнего Рима // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 233–256.

References

1. Avl, Gellii. (2007) *Atticheskie nochii* [Attic Nights]. Knigi I–X. Sankt-Peterburg, ITs «Gumanitarnaya Akademiya». 480 p. (In Russian)
2. Avl, Gellii. (2008) *Atticheskie nochii* [Attic Nights]. Knigi XI–XX. Sankt-Peterburg, ITs «Gumanitarnaya Akademiya». 448 p. (In Russian)
3. Bokadorova, N. Yu. (1998) Antichnaya yazykovedcheskaya traditsiya [Ancient linguistic tradition]. *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Gl. red. V. N. Yartseva. 2-e izd.* Moscow. Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. 35. (In Russian)
4. Dracheva, N. V. (2014) Spor ob analogii i anomalii v traktate Marka Terentsiya Varrona «De Lingua Latina» [Dispute over analogy and anomaly in Mark Terence Varron's treatise "De Lingua Latina"]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie.* 8 (130). 181–189. (In Russian)
5. Durov, V. S. (1991) *Yulii Tsezar': Chelovek i pisatel'* [Julius Caesar: The Man and the Writer]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 208 p. (In Russian)
6. Kvintilian, M. F. (1834) *Dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavlenii* [Twelve Books of Rhetorical Instructions]. Chast' II. Sankt-Peterburg. 302 p. (In Russian)
7. Perel'muter, I. A. (1980) *Filosofskie shkoly epokhi ellinizma* [Philosophical schools of the Hellenistic era]. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir.* Leningrad, Nauka. 180–214. (In Russian)
8. Platon. (2020) *Dialogi: Protagor, Bol'shoi Ippii, Ippii Men'shii, Evtidem, Evtifron, Apologiya Sokrata, Kritron* [Dialogues: Protagoras, Hippias Major, Hippias Minor, Euthydemus, Euthyphro, Apology of Socrates, Critron]. 2-e izd. Moscow. Akademicheskii proekt. 351 p. (In Russian)
9. Plutarkh. (1963) *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Comparative Biographies]. V 3-kh tomakh. Tom II. Moscow. Izdatel'stvo AN SSSR. 546 p. (In Russian)
10. Svetlov, R. V., Fedorov, D. A. (2019) Grammaticheskii traktat «De Analogia» i lingvisticheskii konservatizm Yulii Tsezarya v kontekste antichnoi «yazykovoi politiki» [The grammatical treatise "De Analogia" and the linguistic conservatism of Julius Caesar in the context of the ancient "language policy"]. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya.* Tom 13. (1). 315–329. (In Russian)
11. Svetonii, G. T. (1964) *Zhizn' dvenadtsati tsezarei* [The Lives of the Twelve Caesars]. Moscow, Nauka. 375 p. (In Russian)
12. Tronskii, I. M. (1953) *Ocherki iz istorii latinskogo yazyka* [Essays on the History of the Latin Language]. Moscow. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 271 p. (In Russian)
13. Tsitseron, M. T. (1972) *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Three Treatises on Oratory]. Moscow, Nauka. 471 p. (In Russian)
14. Shubik, S. A. (1980) *Yazykoznanie drevnego Rima* [Linguistics of Ancient Rome]. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir.* Leningrad, Nauka. 233–256 (In Russian)

Поступила в редакцию 18.08.2025

Подписана в печать 30.09.2025

Original article

UDC 81-112

DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_186

PRINCIPLES OF LANGUAGE POLICY
IN GAIUS JULIUS CAESAR'S GRAMMATICAL TREATISE "DEANALOGIA"

Nikolay V. Kornilov¹

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs¹
Vladimir, Russia

¹ *Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations,*
ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru

Abstract. The article examines the ideas about the language of Gaius Julius Caesar, who is known in world history primarily as a politician and a great military leader. However, it is worth noting that he wrote a number of works of art, as well as journalistic and scientific works, among which the treatise "DeAnalogia" can be distinguished. Unfortunately, its text has not survived. Researchers have to deal with only a few fragments. In the treatise, Caesar, acting as a follower of the analogists, calls for a return to the origins of the "golden Latin" of the ancestors. In addition, he formulated provisions that allow us to get a certain idea of the language policy that Caesar planned to carry out in Rome. Many of the ideas expressed by him continue to be relevant for modern linguistics. The novelty of the publication lies in the very subject of analysis, which in the aspect chosen by the author has not previously been specifically studied.

Key words: Caesar, treatise, analogy, anomaly, language policy, pure Latin, spelling.

Cite as: Kornilov, N.V. (2025) Principles of language policy in Gaius Julius Caesar's grammatical treatise "DeAnalogia". *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 186–191. (In Russ., abstract in Eng.)
DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_186

Received 18.08.2025

Accepted 30.09.2025